

*И.Д. Панькин***Историки о причинах появления урало-кузнецкой проблемы в промышленной политике Советского государства весной 1918 г.***I.D. Pankin***Historians Talk about the Reasons of Arising the Ural Kuznetsk Problem in the Industrial Policy of the Soviet Government in Spring of 1918**

Впервые комплексно анализируется проблема возникновения урало-кузнецкого проекта. Дана оценка различных точек зрения на причину появления этой темы. Рассматриваются разные взгляды ее влияния на судьбу страны весной 1918 г., причины выделения ведущей роли Урала и Сибири в этой теме.

Ключевые слова: урало-кузнецкая проблема, промышленная политика, социалистическое строительство, национализация промышленности, геополитическая причина.

Урало-кузнецкая проблема, или проблема перемещения промышленности в восточные регионы страны, оказалась в центре внимания большевистского руководства весной 1918 г. После выхода России из империалистической войны и заключения Брестского мира большевистские лидеры в связи с потерей южного промышленного района стали изыскивать возможности компенсировать недостаток металла в стране. Именно в это время заговорили о необходимости практической реализации урало-кузнецкой проблемы — развития коксовой металлургии на Урале и в Сибири на основе использования углей Кузнецкого бассейна. Тем не менее на протяжении почти столетия в отечественной историографии продолжают споры о причинах появления урало-кузнецкой проблемы в промышленной политике Советского государства.

Впервые к этому вопросу обратились советские историки. Большинство из них при его рассмотрении исходило из того, что проблема создания второй угольно-металлургической базы на востоке страны относилась к принципиальным основам экономической политики советского правительства, нацеленной на строительство социализма, составной частью которой являлось развитие крупной машинной индустрии на основе производства металла и добычи угля. При этом историки ссылались на одно из указаний В. И. Ленина, который после прихода большевиков к власти писал: «Задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада требует обеспечения материальной основы крупной машинной индустрии, развития производства топлива, же-

For the first time the article analyzes the problem of arising the Ural Kuznetsk project. It gives different points of view on the reason of this problem's origin. It analyzes different opinions on its influence on the destiny of the country in spring of the 1918 and the reasons to allocate the leading roles of the Ural and Siberia in this problem.

Key words: Ural Kuznetsk problem, industrial politics, socialist construction, industry nationalization, geopolitical reason.

леза, машиностроения, химической промышленности» [1, т. 36, с. 186].

В. С. Голубцов отмечал: «Весной 1918 г. проблема создания крупной индустрии в восточных районах страны стала одной из главных в плане социалистического строительства». По его словам, большевики Урала уже в первые месяцы 1918 г. стали продвигать идею о комплексном использовании природных богатств Урала и Сибири, понимая, что без топливных богатств Сибири дальше развивать горнозаводскую промышленность не представляется возможным. Автор подчеркивал, что «активными борцами за реализацию этих идей являлись А. А. Кузьмин, А. А. Андреев и другие уральские коммунисты» [2, с. 60–61].

Некоторые советские исследователи полагали, что переход к практическому осуществлению урало-кузнецкой проблемы облегчало завершение в основном к весне 1918 г. процесса национализации промышленности. По словам В. Н. Зуйкова, «успехи социалистической национализации промышленности дали возможность Коммунистической партии и Советскому правительству приступить к решению задач хозяйственного строительства» [3, с. 16]. В. С. Голубцов подчеркивал, что к весне 1918 г. «в основном были преодолены непосредственные последствия саботажа горнопромышленников» [2, с. 59].

Следует признать важность этого фактора. Известно, что промышленная политика в советской России стала формироваться на базе созданного государственного сектора в экономике. Это прямо вытекало из слов В. И. Ленина, произнесенных еще до прихо-

да большевиков к власти. Он заявлял, что как только промышленные предприятия будут захвачены и переданы в руки Советов, «Россия одной ногой станет в социализм» [1, т. 31, с. 446].

Во всей советской историографии подчеркивалось, что именно национализация промышленности создавала фундамент для социалистического строительства. П. И. Лященко отмечал: «На первом плане в этот период стояли задачи непосредственной экспроприации экспроприаторов. Осуществление этих задач являлось основным средством упрочения Советской власти, условием дальнейшего социалистического переустройства всей экономики страны» [4, с. 23–24]. Об этом писали и уральские исследователи. Н. К. Лисовский считал, что «без национализации крупной промышленности Советская власть не могла бы приступить к строительству социалистической экономики» [5, с. 530]. В. С. Голубцов утверждал, что «национализация промышленности создавала фундамент для социалистического строительства» [4, с. 37].

Правда, к утверждению советских историков о том, что к весне 1918 г. процесс национализации промышленности был в основном завершен, следует относиться скептически. По данным А. П. Абрамовского, к марту 1918 г. собственностью государства стали 16 (из 34) крупных горных округов Урала [6, с. 8]. По данным В. С. Голубцова, к началу апреля 1918 г. в ведении Областного правления национализированных предприятий Урала находились 13 бывших казенных и 53 бывших частных заводов металлургической промышленности Урала [4, с. 36]. П. Г. Матушкин и Н. К. Лисовский подсчитали, что только к концу весны 1918 г. около 85% горнозаводской промышленности Урала было национализировано [5, с. 531–532; 7, с. 35].

Часть советских историков были уверены в том, что урало-кузнецкая проблема, к необходимости решения которой призывали дореволюционные деятели, была поставлена в практическую плоскость весной 1918 г., когда сложились новые условия для развития Советского государства: заключение Брест-Литовского мирного договора, в результате которого Россия потеряла металлургию Украины, и получение первой мирной передышки в ходе Гражданской войны.

По словам П. Г. Матушкина, «заключение Брестского мира и успехи в национализации крупной промышленности дали возможность Коммунистической партии приступить к решению мирных задач» [7, с. 35–36]. Он был одним из немногих советских историков, который признавал, что с самого начала урало-кузнецкий проект имел для советской страны оборонный характер [7, с. 43].

Причины перехода большевиков к практическому обсуждению урало-кузнецкой проблемы весной 1918 г. продолжают обсуждаться в современной исторической литературе. Некоторые современные исследователи не отрицают влияния доктринальных основ

экономической политики советского правительства, нацеленной на строительство социализма, на осуществление урало-кузнецкого проекта. В современной историографии традиционной точки зрения придерживается Д. В. Гаврилов, который обращает внимание на то, что большевики, придя к власти, «выдвинули программу предотвращения экономической катастрофы, обосновали необходимость принятия революционных мер, которые обеспечивали бы хозяйственное обновление России, позволили бы догнать передовые страны экономически» [8, с. 68].

Часть современных исследователей считает, что обращение к идее перемещения промышленности в восточные районы страны весной 1918 г. диктовалось сложной экономической обстановкой, в которой находилась в то время страна. А. И. Тимошенко указывает, что советское правительство реально стало рассматривать возможности строительства металлургических заводов на Урале и в Сибири в марте 1918 г. По ее словам, «решение урало-кузнецкой проблемы рассматривалось в качестве панацеи от экономического краха», поскольку «сложившаяся ситуация заставляла Советское правительство срочно обратиться к новым источникам угля и руды, находившимся на Урале и в Сибири» [9, с. 262].

Можно констатировать, что в современной историографии доминирует мнение о значении геополитического фактора в реализации урало-кузнецкого проекта. Сама постановка проблемы была актуализирована в связи с обращением в 1990-е гг. в отечественной историографии к теме большевистской стратегии мировой революции.

В. А. Ламин и А. И. Тимошенко пишут: «Утрата южного металлургического района, незначительные резервы роста производства других металлургических предприятий, географическое положение Урала, находящегося вне зоны активных военных действий, предопределили необходимость поиска мер, обеспечивающих жизнеспособность уральской металлургии» [10, с. 191]. А. И. Тимошенко отмечает: «Промышленный потенциал Урала и Сибири вызвал большой интерес советского правительства в марте 1918 г., после заключения Брестского мира, по условиям которого Россия теряла практически весь европейский юг, где располагались крупные металлургические производства» [11, с. 149]. По словам А. В. Ермакова, эта идея впервые «приобрела ярко выраженный геополитический контекст в феврале 1918 г., когда руководство большевиков отчаянно изыскивало меры по спасению «колыбели мировой революции»» [12, с. 208]. А. В. Китаев утверждает: «В исторических условиях масштабной военной угрозы существованию власти правящей большевистской партии, возникшей весной 1918 г., императивом поведения большевистского руководства является стремление удержания советской власти

в России как плацдарма грядущей мировой социалистической революции» [13, с. 61].

Сторонники этой точки зрения полагают, что для правильного понимания подлинных намерений большевиков нужно обратиться к анализу теоретического наследия В. И. Ленина и второго на тот момент человека в партии — Л. Д. Троцкого. К. И. Зубков пишет: «В фокус большевистской политики Урал и Кузнецкий регион как база стратегического наступления советской власти попали уже весной 1918 г., когда В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому пришлось отчаянно балансировать между двумя нависшими угрозами — германского наступления на западе и поддерживаемого Антантой японского — с востока» [14, с. 25].

Обращение к историческим документам показывает, что, действительно, В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий в годы Гражданской войны уделяли большое внимание Уралу, предлагая превратить его в мощный экономический и политический центр и использовать его ресурсы для перенесения мировой революции в страны Азии.

Лениным весной 1918 г. допускалась мысль о возможности и допустимости отступления советской власти «перед западными и восточными империалистами» в условиях их вероятного наступления, «хотя бы до Урала», «(на худой из худых концов) до Урала», «ибо это единственный шанс выигрыша для периода назревания революции на Западе», поскольку отступлением «мы облегчаем нашему союзнику (международному пролетариату) возможность прийти к нам на помощь» [1, т. 36, с. 290–291]. В настоящее время хорошо известна секретная записка Л. Д. Троцкого в ЦК РКП (б) от 5 августа 1919 г., в которой он нарисовал план «создания и укрепления могущественной базы на Урале». В документе отмечается: «Надо возродить идею, которая была у нас весной прошлого года под влиянием немецкого наступления: сосредоточить промышленность на Урале и вокруг Урала» [15, с. 182–183].

Известна манера Л. Д. Троцкого для подтверждения своих идей ссылаться на В. И. Ленина и его слова, которые были известны только Троцкому. Собирая материалы для создания биографии В. И. Ленина, он написал несколько воспоминаний о встречах и беседах с Лениным. Троцкий утверждал, что накануне подписания Брест-Литовского мирного договора с Германией у Ленина была настоящая паника по поводу того, что без мирного договора немцы могут прийти до Москвы. Обсуждая вопрос о том, что следовало делать большевикам в этом случае, в феврале 1918 г. Ленин, по словам Троцкого, сформулировал идею образования в восточных районах страны Урало-Кузнецкой республики. По воспоминаниям Троцкого, Ленин говорил: «Отступим дальше на восток, на Урал, заявляя о готовности подписать мир. Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнец-

кий уголь, на уральский пролетариат и на ту часть московских и питерских рабочих, которых удастся увезти с собой. Будем держаться. В случае нужды уйдем еще дальше на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но будем держаться. Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширится и вернемся в Москву и Петроград» [15, с. 78].

Слова В. И. Ленина о том, что Советская республика даже после заключения Брестского мира находилась в «выгодных условиях», ибо она располагала «гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д.» [1, т. 36, с. 188], Л. Д. Троцкий интерпретировал в соответствии с выбранной им концепцией: «В тот период времени Урало-Кузнецкая республика занимала большое место в аргументации Ленина. Он иногда прямо-таки огорошивал оппонентов вопросом: «А вы знаете, что в Кузнецком бассейне у нас огромные залежи угля? В соединении с уральским металлом и сибирским хлебом мы имеем новую базу». Оппонент, не всегда ясно себе представляющий, где находится Кузнецк и какое отношение имеет тамошний уголь к последовательному большевизму и революционной войне, тарасил глаза или смеялся от неожиданности, полагая, что Ильич не то шутит, не то хитрит» [15, с. 78–79]. Поскольку проверить эти слова Ленина по другим источникам нельзя, и, учитывая желание Троцкого оправдаться перед потомками за позицию, занятую им в период подписания Брест-Литовского мира, следует относиться к данному фрагменту воспоминаний Троцкого весьма осторожно.

Троцкий высказал предположение о том, зачем понадобилась Ленину идея Урало-Кузнецкой республики. По его словам, концепция Урало-Кузнецкой республики Ленину «органически необходима была, чтобы укрепить себя и других в убеждении, что ничто еще не потеряно и что для стратегии отчаяния нет и не может быть места». Весьма сомнительным выглядит не только весь пассаж Троцкого, приведенный выше, но и сделанный им вывод: «До Урало-Кузнецкой республики дело, как известно, не дошло, и хорошо, что не дошло. Но можно сказать все же, что неосуществившаяся Урало-Кузнецкая республика спасла РСФСР» [16, с. 79].

Отношение к этим идеям руководителей большевистской партии у современных исследователей различное. Так, А. В. Ермаков полагает, что «не стоит рассматривать всерьез приведенные выше геополитические прожекты. Это были скорее мечтания романтиков революции» [12, с. 208]. Однако многие авторы, исходящие из того, что в основе промышленной политики большевиков лежали доктриналь-

ные установки, ориентируются именно на эти мысли Ленина и Троцкого. «Косвенным свидетельством подготовительных мер, которые выполняли советские государственные органы в то время», по мнению А. В. Китаева, «является архивное дело «Описание природных богатств Урала», выполненное в 1918 г. и содержащееся в фонде дел Управления делами Наркомвоенмора» [13, с. 61].

По нашему мнению, понять настоящие причины возникновения урало-кузнецкой проблемы исследователь может, изучив выступления делегатов и решения Первого Всероссийского съезда совнаркозов, проходившего в конце мая — начале июня 1918 г. Съезд имел исключительно важное значение для разработки промышленной политики большевиков. Во-первых, необходимо учитывать время, когда проходил этот съезд — на востоке страны уже развернулись военные действия, связанные с мятежом чехословацкого корпуса. Во-вторых, об исключительном значении съезда можно судить по такому факту, что в его подготовке и работе активное участие принимал В. И. Ленин. П. Г. Магушкин отмечал, что 23 мая 1918 г. Ленин присутствовал на заседании Президиума ВЦИК, «посвященном исключительно вопросам, связанным с подготовкой и проведением съезда. На нем были одобрены в целом тезисы зам. председателя ВСНХ В. П. Милютина по экономическому и финансовому положению России» [7, с. 41]. 26 мая В. И. Ленин выступал на съезде с докладом [1, т. 36, с. 377–386].

Выступления партийных и хозяйственных деятелей носили весьма откровенный характер. В. П. Милютин в докладе «Общее экономическое положение России и экономическая политика» подробно остановился на экономических последствиях Брестского мира. Он говорил о том, что потеря металлургического Юга принесла огромный ущерб стране. В качестве выхода из сложившегося положения с металлом в стране в настоящее время и в будущем докладчик видел в передвижении центра промышленности на Восток, в создании мощной угольно-металлургической базы на Урале и в Западной Сибири» [17, с. 50–52].

В выступлении на съезде М. И. Калинина прямо указывалось на оборонное значение решения урало-кузнецкой проблемы. Он заявил, что большевики должны были первым делом приступить к организации нашего экономического тыла, отнеся этот тыл на такую глубину, где бы он менее всего был подвержен опасности международных осложнений. Сказав о значении Урала и Сибири, Калинин подчеркнул: «Вот где мы должны заложить основы своего будущего могущества» [17, с. 39].

На съезде выступали представители Урала В. Н. Андроников и Ф. Ф. Сыромолотов и Сибири П. И. Воеводин и М. И. Сычев (Франц

Суховеров). По словам Ф. Ф. Сыромолотова, вопрос об Урало-Кузбассе как важнейшей общегосударственной задаче «разлагается на две части: во-первых, общий вопрос о том, в каком направлении пойдет промышленность, во-вторых, конкретный вопрос, какие меры могут быть в данный момент выдвинуты, чтобы дать промышленности максимум производительности». По его словам, «Урал является все-таки базой, которая будет питать. Нам приходится во время войны строить такую промышленную базу. Строительство на Урале имеет колоссальное значение, ибо завоевания революции там положили прочный фундамент» [17, с. 325].

Съезд заслушал доклад П. И. Воеводина, работавшего в 1918 г. председателем Областного совета народного хозяйства в Сибири. Доклад назывался «Организация промышленности и ближайшие задачи ее» [17, с. 50–52] и рассматривался как содоклад В. П. Милютина, ибо выводы обоих докладов совпадали. По воспоминаниям П. И. Воеводина, опубликованным гораздо позднее, В. И. Ленин «о Сибири, ее политическом и хозяйственном положении осведомлен был прекрасно. Этому району нашей страны он придавал огромное значение, особенно его энергетическим, топливным ресурсам. Он ясно видел замечательные перспективы развития широкого использования природных богатств еще не разбуженного тогда края» [18].

Таким образом, выступления основных докладчиков на съезде дают ясные основания судить именно о стратегическом значении для России реализации урало-кузнецкой проблемы.

Об этом же говорят и решения съезда. В них обозначена необходимость перемещения главных центров промышленности страны в районы добывания угля и руды — на Урал и в Сибирь. В качестве главного аргумента этого решения выдвигалось то, что в связи с оккупацией Украины одной из важнейших задач является создание металлургической базы на Урале. В резолюции съезда подчеркивалось: «Обратить серьезное внимание на развитие производительных сил России (естественные богатства, торф, электрификация и прочее) в целях достижения максимальных результатов и, в частности, создать прочную металлургическую базу на Урале, путем организационно-технического объединения промышленной жизни Урала и Западной Сибири» [17, с. 252].

Проведенный анализ историографических источников дает основания полагать, что имелся целый комплекс причин, повлиявших на постановку урало-кузнецкой проблемы в череду основных задач промышленной политики Советского государства весной 1918 г. Однако главной из них стала геополитическая причина, связанная с потерей Россией в результате заключения Брест-Литовского мирного договора южного промышленного района и поставившая задачу возместить недостаток металла.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М., 1970. — Т. 36.
2. Голубцов В.С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917–1923 гг.). — М., 1975.
3. Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926–1932). — М., 1971.
4. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР: в 3 т. — М., 1956. — Т. 3.
5. Лисовский Н.К. 1917 год на Урале. — Челябинск, 1967.
6. Абрамовский А.П. Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала. — Челябинск, 1981.
7. Матушкин П.Г. Урало-Кузбасс. Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. — Челябинск, 1966.
8. Гаврилов Д.В. У истоков Урало-Кузбасса // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. — Екатеринбург, 2010.
9. Тимошенко А.И. Разработка проекта Урало-Кузнецкого комбината в рамках промышленной политики Советского государства (1920-е гг.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII — XXI вв. : материалы междунар. науч. конф., посв. 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. — Екатеринбург, 2006.
10. Ламин В.А., Тимошенко А.И. Проекты транспортного обеспечения реализации программы Урало-Кузбасса // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. — Екатеринбург, 2010.
11. Тимошенко А.И. Урало-Кузнецкая проблема в дискуссиях и решениях советского правительства в 1920-е гг. // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. — Екатеринбург, 2010.
12. Ермаков А.В. Геополитический фактор в планировании Урало-Кузнецкого комбината // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII — XXI вв. : материалы междунар. науч. конф., посв. 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. — Екатеринбург, 2006.
13. Китаев А.В. Урал в большевистской стратегии мировой революции в период гражданской войны // Проблемы колонизации Сибири и Севера в XXI веке : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. — Тюмень, 2011.
14. Зубков К.И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузнецкого проекта // Уральский исторический вестник. — 2011. — № 1 (30).
15. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927: в 4 т. — М., 1990. — Т. 1.
16. Троцкий Л.Д. Вокруг Октября // Силуэты: политические портреты. — М., 1991.
17. Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 26 мая — 4 июня 1918 г. : стенограф. отчет. — М., 1918.
18. Воеводин П.И. Зоркий рулевой // Вечерняя Москва. — 1960. — 22 апр.